

Моментальная фотография души

Амедео Модильяни

Тосканский порт Ливорно, еще не разрушенный бомбардировками союзников. Флорентийские традиции Медичи, еще не растворившиеся в *arte moderne*.

Космополитические свободы порто-франко, еще не растоптанные национализмом.

Последний ребенок в большой еврейской семье, болезненный, капризный и слабый, — неожиданное сочетание звезд, необычное расположение планет, непредсказуемая рекомбинация родительских генов.

Прогулки по набережной с дедом, поездки во Флоренцию с матерью, занятия живописью в Венеции, беседы об искусстве на площади Святого Марка.

Он твердо уверен, что знает свое направление — стать художником.

Ему еще нет двадцати.

Перед ним открывается пейзаж — невысокие заросшие дикой акацией холмы, вьющаяся среди холмов дорога, желтые залитые солнцем поля и человек с мольбертом, который парит над полями; к нему ведет узкая тропинка, то и дело исчезающая среди холмов, и отсюда не разглядеть, проходима ли она. Невдалеке оттуда другой человек, очень похожий на первого, работает в окружении каменных глыб под палящим южным солнцем; он обтесывает камни, перетаскивает их с места на место, прорезает детали, однако туда, где он работает, не ведет ни одна дорога. Еще дальше небо затянуто дымом — это горят леса, над которыми мелькает пламя; кажется, что за ними уже ничего нет, но в действительности над темными облаками поднимаются горы с вершинами, покрытыми снегом, на котором что-то чернеет, но на таком расстоянии деталей не разглядеть, и отсюда, с зеленых склонов Тосканы, ему не увидеть обледеневшие аллеи старого парка, заливаемые ледяным январским дождем, деревянную скамейку в боковой аллее и кладбище на холме сразу за ними. Проходит немного времени, и он уже идет уверенным шагом по белой от солнца дороге, которая медленно поднимается вверх среди холмов, а потом поворачивает, и он видит перед собой город.

Дорога идет через Париж и вначале приводит его на тихую монпар-

наскую улочку длиной всего в один квартал — здесь он учится живописи и скульптуре, — а потом неожиданно разворачивается, пересекает Сену и убегает на Монмартр.

Следуя направлению, он переезжает на Холм, но здесь линия ускользает; он живет где придется — то в заброшенном домике на склонах рю Коленкур, то в общежитии художников на площади Равиньян,

рейчиков и друзей. Он таскает камень с монмартрских пустырей и резцом превращает его в странные продолговатые фигуры. Он ищет линию, которая все время от него ускользает; чувствуя, что не успевает, он просит помощи у французских актрис, английских писательниц и русских поэтесс, и линия постепенно возникает у него внутри тонким непрерывным звоном,

которые в действительности есть их стремящиеся в небо души.

Он оказался первым, кто сумел написать душу человека, а не божества.

Портретист, он не оставил нам ни пейзажей, ни натюрмортов.

Более известный как художник, он навсегда вошел в историю естественной фотографии души. Которая для получения качественного изображения требовала, в зависимости от состояния фотографа, экспозиции от нескольких часов до нескольких дней, широкого выбора водных растворов спирта разных цветов и концентраций, в просторечии называемых винами, коньяками или абсентами, и сложных смесей хромофоров, обычно именуемых красками.

Его техника не только давала цветные изображения души, но и раз-

вешивала в космической пустоте остальные сущности, связанные с изображаемым тончайшими нитями, не видимыми никому, кроме фотографа.

Через неполных сто лет после Дагерра человечество стало свидетелем еще одного великого изобретения в области фотографии, почему-то отнесенного современниками к области живописи.

Легкими уплывающими вверх дымками наши души соединяют нас с остающимся миром. Перекидывают шаткие мостки между нами и вселенной, неопровержимо доказывая, что мы — всего лишь ее часть. Не больше, но и не меньше.

Замкнув круг, его душа соединила его с нами на тихой монпарнасской улочке длиной всего в один квартал.

Анатолий КОНТУШ,
Париж, май 2008.

Склоны у рю Коленкур, где когда-то стояли предназначенные к сносу сельские домики, в одном из которых жил Модильяни

Монмартрский рестораник "Проворный кролик", где часто бывал Модильяни, — любимое место встреч артистической богемы тех лет

его можно каждый вечер встретить в "Проворном кролике" с бутылкой вина, он бросает учебу и привязывается к гашишу, но все это не имеет значения, потому что он пишет.

Любимец женщин, он пишет натурщиц, подруг и любовниц; звезда богемы, он пишет меценатов, гале-

оставляя им взамен изломанные линии души. Он опускается, болеет, бедствует, становится просто Модильяни, а скорее *maudit*, что по-французски "проклятый", но в конце концов находит то, что искал.

На его холстах появляются длинные, тонкие, непропорционально удлиненные фигуры, каких не писал никто.

Вытянутые вверх лица, плотно сжатые рты, запрокинутые глаза без зрачков.

Отрешенность, отвлеченность, отсоединенность от всего земного, светного, грешного.

Нездешность, неспешность, небрежность.

Он находит свою линию и оказывается первым, кто сумел написать душу.

Которая улетает, а не тонет. Поднимается вверх, а не опускается вниз. Растворяется в небе, а не исчезает под землей.

Передвигается тонкими движениями в темноте инстинктов.

Рвется куда-то, пока не изорвется в клочки.

До него что-то похожее удавалось лишь православным иконописцам и примитивным скульпторам — всмотритесь в тонкие лики святых на древних иконах и в странные фигурки деревянных богов, ко-

Площадь Равиньян (сегодня площадь Эмиля Гудо), с которой можно было войти в общежитие художников "Бато-Лавуар" — "Плавающая прачечная", где жили Модильяни, Пикассо и другие выдающиеся мастера. Здание общежития погибло в 70-е годы XX века при пожаре

Академия Коларосси на рю де ля Гранд-Шомьер в центре Монпарнаса, где Модильяни учился живописи по приезду в Париж

Дом по адресу рю де ля Гранд-Шомьер, в котором была последняя квартира Модильяни

Фотографии Анатолия Контуша